

СЕРГЕЙ НИКОЛЬСКИЙ*

ПЕРЕУСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВА, ПЕРЕСОЗДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА**

КРАХ ИЛЛЮЗИЙ

Получено: 29.12.2022. Рецензировано: 21.03.2023. Принято: 05.04.2023.

Аннотация: В статье рассматриваются две последовательно возникающие, а в дальнейшем параллельно существующие в общественном сознании социальные задачи: переустройство общества и пересоздание человека. Впервые идея общественного переустройства появляется в русской философствующей литературе в конце XVIII столетия и присутствует до 20-х годов XX столетия в творчестве практически всех отечественных авторов первого ряда, а именно Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Н. Г. Чернышевского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. В. Сухова-Кобылина, А. М. Горького, А. А. Богданова, А. П. Платонова. После Октября коммунистическая власть в исследовании общественного переустройства уже не нуждалась и потому вместе с отрядом помощников — «инженеров человеческих душ» — ставила цель формирования нового советского человека. Для ее достижения упор делался на насилие, на поддерживающий вековую покорность страх и на подневольный труд — главные средства воспитания. Труд предначалось перестать быть проклятием за грех Адама и сделаться радостью и полнотой бытия. Идеологом трудовой повинности выступил Л. Д. Троцкий, один из вождей Октября. Через 70 лет заключительную попытку создать нового человека в рамках «социализма с человеческим лицом» накануне краха СССР предпринял последний лидер партии коммунистов М. С. Горбачев. И тоже безрезультатно. С течением времени, с конца XVIII и до конца XX столетия, цель общественного переустройства и создания нового человека оставалась прежней, хотя средства менялись. Но задача как не была решена в начале, так и осталась нерешенной в конце.

Ключевые слова: человек, общество, культура, история, философия, литература, переустройство, преобразование, новое.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-203-222.

В собственном сознании всякому — будь он даже еще в мыслях своих совершенно несамостоятельным — кажется, что он и есть суверен. [...] Даже

*Никольский Сергей Анатольевич, д. филос. н., главный научный сотрудник; сектор философии культуры Института философии РАН (Москва), s-nikolsky@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2202-2043.

**© Никольский, С. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

в экстремальных условиях господства тоталитарной власти — и тем более при этих условиях! — никто не признается себе, что бастион сознания, возможно, давным-давно пал.

Х. Энциенбергер. Индустрия сознания

Идея «нового советского человека», возникшая в 20-е годы XX века в СССР, была развитием более общей идеи общественного переустройства, впервые проявившейся в России еще в конце XVIII столетия. Однако с образованием СССР и началом строительства социалистического общества все внешние по отношению к человеку благоприятные обстоятельства и условия, по мнению власти, уже были созданы и ранее декларируемое преобразование общества теперь было заменено на более конкретный предмет — преобразование «старого» и создание «нового» человека. Коммунистическая власть в дальнейшем исследовании способов переустройства не нуждалась и вместе с отрядом помощников — «инженеров человеческих душ» ставила цель «формирования нового советского человека». Уверенности в решении задачи добавляло и то, что за прошедшие полтора века отечественная культура так и не сформулировала жизнеспособных идей общественного переустройства. А это и в самом деле было так¹. Основная же причина состояла в том, что в российской философско-художественной мысли идея общественного переустройства существовала помимо и независимо от сколько-нибудь адекватного представления о социальной реальности: таковая каждым мыслителем без серьезного исследования подразумевалась априори. К тому же, эти представления в отечественной гуманитарной мысли от конца XVIII и до 30-х годов XX столетия представляли собой разнообразный по содержанию и обширный философско-антропологический массив, в котором определялись несколько линий анализа.

Начну с попытки очертить круг социальных мыслителей, писателей-исследователей и предлагавшихся ими линий анализа, понимая, что о каждом с точки зрения содержательности и подхода к проблеме следует говорить особо. В него, на мой взгляд, следует включить практически всех отечественных авторов «первого ряда», а именно: Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. И. Гончарова, Н. Г. Чернышевского, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого,

¹ Анализ причин этого факта — особый вопрос, требующий отдельного внимания.

Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. В. Сухово-Кобылина, А. М. Горького, А. А. Богданова, А. П. Платонова².

В контексте темы переустройства общества идеи Д. И. Фонвизина раскрываются на материале его комедии «Недоросль» (1781) и публицистического текста «Рассуждение о непременных государственных законах» (1782). Главная идея автора — необходимость в России просвещенной власти в лице самодержца и помещика. Самовластье должно чуждаться зла и заботиться о благе подданных. В этом самодержец уподобляется Господу, который творит одно благо. Но в отличие от Бога, государь создает законы сообразно с общей пользой. В следовании им — залог крепости государства и власти царя. Народ должен быть в повиновении, но без насилия и посредством царской «кротости». Для этого следует если не уничтожить, но умерить крепостное право, дабы не породить нового Пугачева.

В знаменитой комедии благое самодержавное государство олицетворяется образом чиновника Правдина, явившегося в имение крепостников Простаковых, дабы осчастливить добрых и наказать злых. Некоторые декларации Правдина таковы: где государь знает, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права; каждый должен искать своих выгод лишь в том, что законно; незаконно угнетать рабством себе подобных; не тот богат, кто копит деньги, а тот, кто «отсчитывает у себя лишнее, чтобы помочь тому, у кого нет нужного» (Фонвизин, 1959: 152). Таким образом, Фонвизин понимает общественное переустройство как основанное на просвещении устроительное по отношению к подданным действие власти. За этим выводом стоит исторически обусловленное понимание возможности каких-либо общественных перемен только посредством и в рамках наличного общественного устройства.

В границах этой же мировоззренческой установки в проблеме переустройства общества лежит и творчество Н. В. Гоголя, легко различимое в связке — поэма «Мертвые души» (1842) и сборник «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Его «перекличка» через расстояние в восемьдесят лет с Фонвизиным говорит не только о необходимости

²Конечно, рассмотрение проблематики общественного переустройства должно быть выполнено и на материале еще целого ряда писателей, а в советской литературе — начиная с 1930-х годов — финала выхода романа и повестей Андрея Платонова. Но эти горизонты за пределами настоящего рассмотрения.

развития художественных начатков как прототипе социальной философии, но и закосневшем общественно-экономическом, политическом и культурном русском самодержавном укладе — «русской матрице» (Никольский, 2018).

Критическое содержание «Мертвых душ» как «тьмы и пугающем отсутствии света» (Гоголь), хорошо известно. Однако не меньшее внимание стоит обратить и на имеющееся в поэме позитивное начало. Речь об истории успешного помещика Костанжогло, героя сохранившихся глав второго тома поэмы. Да и сами «Мертвые души» в своей идейной направленности органично связаны с темой общественного переустройства в статьях-письмах «Выбранных мест...» При этом, сам автор упреждает, что «нужного» в письмах несравненно больше, чем в сочинениях, так как он имеет «сильное желание быть полезным» (Гоголь, 1847: 6).

Главная идея благих общественных преобразований — о «справедливости Божеской» и «просветлении» человека любовью.

Если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам (там же: 59).

Мысль эта высказывается в отношении разных социальных групп и слоев, но особенно детально — в сюжете о помещиках. Прежде всего помещику Гоголь советует напрямую говорить с крестьянами, объясняя им их и, равным образом и свое, назначенное от рождения Господом, положение. В соответствии с ним, крестьяне должны покоряться помещику, потому как всякая власть от Бога. А назначение помещика — заставлять крестьян трудиться, ибо

Богом повелено человеку трудом и потом снискивать себе хлеб... Скажи им всю правду: что с тебя взыщет Бог за последнего негодяя в селе и что по этому самому ты еще больше будешь смотреть за тем, чтобы они работали честно не только тебе, но и себе самим, ибо знаешь, да и они знают, что, заленившись, мужик на все способен — сделается и вор и пьяница, погубит свою душу, да и тебя поставит в ответ перед Богом. И все, что им ни скажешь, подкрепи тут же словами Святого Писания (там же: 71).

За радивое отношение крестьян к своим природным обязанностям должны быть также ответственны семья и соседи. Помещику надлежит

обеспечить общественное уважение к исправным хозяевам со стороны прочих, чтобы их пример имел видимую поддержку.

Не чужды идее общественного переустройства, хотя и без непосредственных деклараций и наставлений, пьеса А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1833) и роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836). В обеих она проглядывает через личность и поведение главного героя. Кроме того, в пушкинском произведении в авторской реакции на восстание Пугачева также имеются признаки его отношения к идее общественного переустройства. И оба автора, равно как и предшественники, остаются в границах идеологии государственной деятельности просвещенного монарха. Таков первый содержательный итог решения проблемы общественного переустройства, а именно — самой самодержавной властью посредством просвещенческого ее улучшения.

Второй этап — изменения, предпринимаемые протогражданским обществом как в форме реальных, зарождающихся в нем процессов, так и процессов, по аналогии с Европой осмысливаемых, которых революционно настроенные мыслители желают наблюдать в России.

Так, большое и содержательное раскрытие тема общественного переустройства постепенно обнаруживает себя в романной прозе И. С. Тургенева. При этом, если в первом романе «Рудин» (1855) она подается посредством критического анализа неспособности героя жить и действовать в реальности, а во втором романе «Дворянское гнездо» (1859) раскрывается через личные семейно-любовные отношения главного героя — Лаврецкого, то позднее рассматривается многогранно. Так, в романе «Накануне» (1860) тема переустройства представляется через сюжет о революционной борьбе на почве национально-освободительного движения. А в «Отцах и детях» (1862) — не столько через анализ противостояния «отцов и детей», сколько через неприятие (уничтожение) феодальной Россией Евгения Базарова — профессионала и трудолика. В романе «Дым» (1867) Тургенев говорит об общественном переустройстве посредством спора западников и славянофилов, а в романе «Новь» (1877) на материале реально существовавшего революционного хождения в народ членов «Земли и воли». У Тургенева впервые в русской классической философствующей литературе проблематика переустройства также дана на материале реальной общественно-политической и культурной почвы («Записки охотника», 1847), что должно отметить как существенный исследовательский прогресс.

Тема общественного переустройства не заявлялась А. Г. Гончаровым в качестве главного исследовательского предмета в романах «Обломов» (1859) и «Обыкновенная история» (1847). Однако и «недеяние» мечтателя и лежебоки Ильи Ильича на фоне деятеля и реалиста Андрея Ивановича, равно как и вначале романтизм, а впоследствии конъюнктурное приспособленчество приехавшего в Петербург провинциала Александра Адуева фоном также имеют тему общественных перемен.

Новый опыт рассмотрения темы общественного переустройства представляет Н. Г. Чернышевский романом «Что делать? Из рассказов о новых людях» (1863). Текст, конечно, не относится к произведениям «первого ряда», но значительным революционным высказыванием и, главное, последующим общественным резонансом, должен быть в этот ряд поставлен. Роман также следует упомянуть, поскольку в нем впервые в отечественной социально-художественной мысли высказана основная идея ленинизма о создании «нового человека» и фантазией автора предложены соответствующие производственные хозяйственные формы, опираясь на которые Чернышевскому и Ленину грезились возможность исключить для России капиталистический этап развития посредством коллективной жизни и коллективного труда, подобного «коллективизму крестьянской общины» (К. Маркс, Ф. Энгельс, народники). В романе, как известно, описан «социалистический кооператив», возникший на принципах коллективизма и представлены революционеры-интеллектуалы, стремящиеся в социализм. Роман, также, что немаловажно, был любимым чтением В. И. Ленина, которое, по его выражению, его «перепахало». Роман также был одним из художественных мировоззренческих устоев, на основе которых должна была начаться революционная ломка старого строя.

На «коммунальный» вызов Чернышевского ответом стала реакция Н. С. Лескова (роман «Некуда», 1864) и Ф. М. Достоевского (рассказ «Крокодил», 1865). Само собой, описанной Лесковым переустройство — критика фантастического изображения коммунальчиков и «снов Веры Павловны» с опорой на печальную историю реального прототипа коммуны — московской «Знаменской общины». Поскольку коммунары были лишены способности реально делать что-либо практическое, а также потому, что лишь у мечтателя-устроителя находили средства на содержание «новой социалистической формы», через непродолжительное время средства кончились и коммуна распалась. Именно это происходит и в лесковском романе, за исключением фигуры руководителя:

у Лескова это социалист швейцарец Вильгельм Райнер. Роман Лескова — точная, но в силу революционаристских иллюзий тогдашнего «просвещенного общества» не поддержанная попытка трезвой оценки практических возможностей идей общественного переустройства.

Не имея возможности подробно анализировать тему общественного переустройства у Ф. М. Достоевского, ограничусь ссылкой на одну, но важную ее часть — анализ экзистенциальных смыслов ряда произведений мыслителя, которые позднее были унаследованы большевизмом (Никольский, 2021). В «Дневнике писателя» (1876–1877, 1880–1881), а также в романах «Братья Карамазовы» (1881), «Преступление и наказание» (1866) и «Бесы» (1872) каждый ведущий герой несет с собой сопутствующие его образу экзистенциальные идеи. Без них герои не могли обнаружить своих философски значимых характеров. Это, например: «рвущаяся к свету душа» (Алеша); разрешаемая «кровь по совести» (Раскольников); старчество — «берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю» (Зосима); никаким грехом «не истощимая и бесконечная божья любовь» (Алеша); убогость «будущего члена „всемирно-общечеловеческой социальной республики и гармонии“» («наши»); христианское определение людей как «бунтовщиков слабосильных, собственного бунта своего не выдерживающих» (Великий Инквизитор); потребность «общности преклонения» перед «силами чуда, тайны и авторитета» (он же).

В дальнейшем философско-художественные фантазии XIX столетия переместились в ленинско-сталинские идеи и советскую практику века XX. Тем самым, прозрения великого писателя обнаружили свой исток и последующую укорененность в мировоззрении русского человека. Без них катастрофа реального общественного переустройства на коммунистический лад не была бы невозможна. То есть, наличие названных экзистенциальных идей-смыслов было одной из российских предрасположенностей к ленинско-сталинскому социализму.

Также специальная исследовательская работа необходима для рассмотрения идеи общественного переустройства в творчестве Л. Н. Толстого. Причем, анализ художественных текстов должен дополняться работой со специальными публицистическими текстами, а также изучением толстовских общественных практик в религии и педагогике.

Особое место в рассматриваемой проблематике занимает драматургическая трилогия А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского» (1854), «Дело» (1861) и «Смерть Тарелкина» (1869). Однако идея общественного переустройства представлена в ней как реально вытекающий из

текстов вывод, а само содержание явлено как государственная машина - организованная преступная корпорация. Кобылин хорошо знал современную ему реальность. Недаром цензор, рассматривая «Дело», приходит к выводу:

Настоящая пьеса изображает... недалёковидность и непонимание обязанностей своих в лицах высшего управления, подкупность чиновников, от которых зависит направление и даже решение дел, несовершенство законов наших (сравниваемых в пьесе с капканами), безответственность судей за их мнение и решение — все это представляет крайне грустную картину и должно произвести на зрителя самое безотрадное впечатление, которое еще усиливается возмутительным окончанием пьесы (цит. по: Селезнев, 1989: 306).

К сожалению, боязнь «грустной картины» останавливала многих, обращаясь к тематике общественного переустройства и размышлений о новом человеке.

В творчестве А. М. Горького тема общественного переустройства подана в контексте проблематики «поиска честного человека», что, без сомнения, было более продуктивным, чем его плакатно-яркие образы и революционные миражи, отражающие прожектерские намерения и реальные действия большевиков³. На вопрос «Как переустроить общество, чтобы оно было честное» купец, один из героев раннего Горького (роман «Трое», 1901) отвечает:

Коли из десяти один честен — это для меня ничего не значит... Тут особый счет надобен... Если же один честен, а девять подлецы, никто не выигрывает... Но человек пропадает. А ежели семеро честных на трех подлецов — твоя взяла... Понял? Которых больше, те и правы... (Горький, 2008: 466)

Однако в этой теме Горький ограничивается тем, что лишь представляет на общее обозрение пороки современного ему общества, не задаваясь, по крайней мере вопросом, как таковое стало возможно.

Идею общественного переустройства в планетарном масштабе, имея в виду мировую революцию, пытается обсудить А. А. Богданов (романы-утопии «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1912)). Среди содержащихся в них многих марксистских идей выделю наиболее, на мой взгляд, значимую - отрицание насильственного распространения в галактике социализма посредством покорения высшей расой марсиан —

³Во втором случае, конечно, имеются в виду песни о пернатых (соколе, буревестнике), о сердце Данко и о столь же нудно-назидательном как «Что делать?» Чернышевского, романе «Мать».

не дозревших до социализма землян. За ней различимо тогдашнее кредо автора — неприятие идеи экспорта революции. Героиня романа возражает стороннику экспансии:

Твердо и решительно мы должны ему ответить: никогда! Мы должны подготовить свой будущий союз с человечеством Земли. Мы не можем значительно ускорить его переход к свободному строю: но то небольшое, что мы в силах сделать для этого, мы сделать должны (Богданов, 2009: 195–196).

Однако пройдет немного времени и в 1919 году в Москве будет создан III Интернационал для подготовки мировой революции, а летом 1920 года Красная армия пойдет в поход на Варшаву, надеясь, что польское крестьянство и пролетариат восстанут на борьбу против своих помещиков и капиталистов. Крах этого революционно-экспансионистского рецидива — еще одной формы общественного переустройства — хорошо известен.

Новый этап жизни идеи общественного переустройства совпадает с реальной насильственной, начавшейся при Ленине и продолжившейся в новых формах при Сталине переделкой российского общества и носит критико-аналитический характер. Наиболее масштабно и глубоко он раскрыт Андреем Платоновым в романе «Чевенгур» (1929) и повестях «Котлован» (1930), «Ювенильное море», «Джан» (1934), в других произведениях (Неретина, Никольский и Порус, 2019).

Как квалифицирует содержание этого этапа автор? Возможно, словами главного героя «Чевенгура» Саши Дванова:

Дванов не пожалел родину и оставил ее. Смирное поле потянулось безлюдной жатвой, с нижней земли пахло грустью ветхих трав, и оттуда начиналось безвыходное небо, делавшее весь мир порожним местом (Платонов, 2011: 408).

Родина, в которой герой искал исторически неизбежный «самосевный» благой коммунизм, такового не родила. А то, что этим словом именовалось, несло человеку страдание и смерть. Поле, созревшее для жатвы, оказалось безлюдно. Между землей и небом обнаружилось пустое, без человека, место и потому небо начиналось сразу от «ветхих трав».

Подведу предварительные итоги. Первая часть опыта неудавшихся проектов общественного переустройства с логически приближающимся финалом вне зависимости от его сознания участниками процесса — с утверждением в России советской власти была завершена. Что до его реальных конкретных финалов, то они таковы: Стародум уезжает, рекомендуя Митрофана-недоросля в службу (!); Чацкий покидает Москву

для новых скитаний; Пугачева четвертуют; Чичиков теряется на российских просторах; Рудин гибнет на польских баррикадах; Инсаров убит турками; Базаров умирает от яда мужицкого трупа; Нежданов стреляется; Обломов кончается от апоплексического удара; Лопухов инсценирует самоубийство и перерождается в новую иностранную личность; Райнер погибает в бою; сердце ограбленного Муромского не выдерживает; Илья разбивает голову о стену; Леонид впадает в помешательство и как груз увозится с Земли на Марс; Копенкин гибнет в бою, а Саша Дванов, разочаровавшись в «самосевном коммунизме», кончает утоплением.

Таким образом, полуторавековое исследование проблемы общественного переустройства показало, что отечественная культура на свой запрос позитивного ответа не нашла и была сильна лишь в критике существующего положения вещей. Впрочем, и это было не мало, так как разрушало поверхностные иллюзии относительно возможности быстрых кардинальных общественных перемен, которые сулили большевики. Полученными результатами опыта советская власть в дальнейшем пренебрегла. Более того: часть его содержания была блокирована всеобъемлющей советской цензурой, а оставшиеся за пределами цензуры результаты не принимались во внимание в силу самоцензуры советских «инженеров человеческих душ». В стране начался этап конструирования нового «советского человека».

Новый этап процесса переустройства общества на советский лад многогранен и его адекватный анализ предполагает последовательное рассмотрение составляющих его компонентов. Главная идея коренного переустройства российского общества на новый, коммунистический лад, без сомнения, принадлежит В. И. Ленину. Разойдясь со своим учителем и старшим товарищем-марксистом Г. В. Плехановым в вопросе о путях революционных преобразований в стране еще в 1903 году и возглавив левое, наиболее радикальное большевистское крыло российской социал-демократии, Ленин, параллельно с теоретическими занятиями, начал работу по созданию профессиональной партии — инструмента практической революционной деятельности. Мысль о «чужеродности» марксизма для России Ленин, конечно, не допускал. Эту тему он переводил в вопрос о его творческом применении:

Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех

направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России (Ленин, 1967: 184)⁴.

Однако революционная власть, однажды заявив необходимость и ответственность марксизма как единственно верного революционного способа⁵ выведения России из тупика недоразрушенного самодержавного феодализма и еще не вставшего на ноги, недоразвитого капитализма, свернуть с него ни при каких условиях была не в силах⁶. В целях уничтожения эксплуататоров, установления диктатуры пролетариата, коренной ломки государственного аппарата и вообще старого общества, а также создания «нового человека» большевистская власть твердо придерживалась марксистской идеи непрерывной и даже усиливающейся классовой борьбы, в том числе и искусственно разжигаемой. Сразу после Октября Ленин сформулировал главную задачу партии — не дать революции затормозиться на буржуазно-демократической стадии, а превратить ее в революцию социалистическую. После этого остановить бешено несущуюся тройку русской истории ни Ленин, ни Сталин, ни те, кто пришел им на смену, даже если бы захотели, уже бы не смогли. Им оставалось одно — пытаться удержать вожжи в руках, давя все, что попадалось на пути.

Еще один важный элемент процесса общественного переустройства — память отдельного индивида и сообщества. Без нее у индивидуального или коллективного субъекта нет материала для анализа как реальной действительности, так и замешанных на воображении (фантазии) представлений о желаемом или, помня историю, нежелательном (отвергаемом) будущем. При этом, наряду с анализом памяти не менее,

⁴В этом же духе говорил о марксовой теории и Энгельс: «Для меня историческая теория Маркса — основное условие всякой *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти *эту* тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны». *Ф. Энгельс — В. И. Засулич* в Женеву. 23 апреля 1885 года (Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса..., 1951: 309).

⁵«...Все миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод *для* этого исследования» (Энгельс, 1966: 352).

⁶Идею о том, что не только большевики были заинтересованы в представлении России как редкого исторического явления, содержание которого — избежать ужасов капитализма, следуя исключительно «русским путем», но что эту идею в течение XIX столетия пестовали и значительные силы внутри российской власти, рассматривает Давыдов, 2022.

а, возможно, даже более важно ее произвольное или произвольное отмирание, забвение.

Процесс переформатирования памяти (обновления и забвения) проходил в условиях перманентного насилия и нагнетаемого страха, имевших глубокие исторические основания, укорененные в вековом отечественном рабстве и обретенной в этом процессе покорности. Обычно индивидуализированный феномен забвения был превращен властью в универсальный, адресованный обществу императивный сигнал. Забвение сделалось важнейшим условием выживания людей, а властный запрет на память — политическим действием, якобы ведущим к общему благу.

Однако в памяти-забвении было и то, от чего новый человек сознательно стремился избавиться, усилием всего существа отрешиться или переделать. Как говорил герой романа Николая Островского:

Заглянул Павка в самую глубину жизни, на ее дно, в колодезь, — и затхлой плесенью, болотной сыростью пахнуло на него (Островский, 1982: 14).

В связи с темой памяти и забвения исследователь послевоенного общественного сознания жителей освобожденных после Второй мировой войны Советским Союзом стран Восточной Европы поляк Чеслав Милош (и, что очень важно, современник событий⁷), делает еще более сильное заявление:

Жизнью человеческих обществ управляет принцип забывания. Некоторые факты, а особенно их аура и климат, позже не удастся воссоздать и даже вообразить. Это относится не только к молодым поколениям, которые не могут знать из первых рук. Участники и свидетели событий тоже отодвигают память о них от себя и не уверены, происходило ли это на самом деле. Здесь действуют известные защитные механизмы. ...Конечно же, легче объяснять все террором и страхом его жертв, чем признать, что многие граждане нашей страны умели убедить себя путем сложных рассуждений в правильности доктрины. Ведь разум нередко загоняет себя в тупик, а потом не понимает, как он мог так мыслить (Милош, Британишский, 2003: 38).

В этой связи, на рассмотрении феномена — загоняемого в тупик разума как «разума в пелене забвения» в качестве условия созидания нового советского человека — следует остановиться более подробно.

⁷Об особой значимости свидетельств современников — участников событий можно судить из наблюдения Ч. Милоша: «...Теперешние властители сделали выводы из простой истины: то, что не существует на бумаге, не существует и в действительности» (Милош, Британишский, 2003: 187).

Сталинское время (1923–1953) в России было периодом становления особой формы унитарного многонационального государства, формально — якобы федеративного. В нем феномен памяти в начальный период сталинизма (до коллективизации), как и в классических национальных государствах, существовал в форме «больших нарративов», то есть бытовал посредством множества отдельных личных и групповых историй непосредственных участников революционных событий, событий гражданской войны и времени НЭПа. Это был большой набор разнородных, но зачастую идейно и ценностно сходных воспоминаний. В них, поскольку все рассматривалось в контексте найденного советского пути и уже начавшегося движения к «светлому будущему», безусловно, доминировали истории побед и счастливых моментов над историями ошибок, поражений, страданий и бед.

Однако по мере утверждения сталинского самодержавия «эпоха очевидцев» подходила к концу. На смену старым поколениям шли новые и им, для безусловной поддержки новой власти, должна была быть привита другая память, обеспечивающая идею абсолютной легитимности вождя. Именно новой памяти и забвению (в отсутствии идеи легитимации царя как Божьего помазанника) отводилась главная роль во всенародной легитимации Сталина, своего рода новой «выборности вождя народом». Конструируемая память должна была предать забвению (исключить) разного рода мемориальные феномены и акции, не отвечающие новым задачам. Это касалось содержания создаваемых художественных текстов и кинолент, тематического и персонального наполнения экспонатов выставок, исторических музеев, краеведческих и генеалогических разысканий, коррекции интереса к личным и неофициальным воспоминаниям, семейным историям, недавнему поколенческому опыту, передаваемому не только общественно-публично, но и индивидуально-интимно. Родители не сообщали детям содержание «неканонической памяти» о своих предках, их бабушках и дедушках, а братья и сестры — о братьях и сестрах, чья судьба была или могла быть истолкована как не вписывающаяся в официальный благобно-победный нарратив с фигурой Сталина во главе.

Процесс этот был всеобъемлющим, хотя его количественные параметры ранее в отечественной исторической и гуманитарной науке в должной мере не рассматривались. Но если исходить из всего лишь одного исторического прецедента — коллективизации 1929–1937 годов, унесшей по официальным сведениям — минимально 7 миллионов жизней, дальнейшие подсчеты могут быть таковы. Средняя крестьянская семья

с близкими родственниками насчитывала не менее 8 человек, у которых, в том числе и в городах, было никак не менее еще 4 родственников. То есть, уже по этому количественному предположению выходит свыше 220 миллионов, то есть более, чем все население тогдашнего СССР. Значит, население СССР о том, что происходило в деревне (безотносительно к его мыслям на этот счет и даже с поправкой на пропаганду, просто не могло не знать). Как к этому знанию, к этой памяти оно относилось? Общий ответ может быть только один — за редким исключением разум этого населения добровольно или под давлением власти загонял себя в тупик беспамятства, молчаливого страха, притворного незнания или оправдывал происходящее невозможностью иного способа избавления в памяти от действительно тяжелого досоветского прошлого.

Кардинальной коррекции, далее, подверглось соотношение между памятью, забвением и идентичностью. Если в нормальном процессе становления памяти она детерминирована коллективной или индивидуальной идентичностью, то теперь, в советское время, говоря словами М. Хальбвакса (Хальбвакс, Габович, 2005; Хальбвакс, Зенкин, 2007), создаваемые искусственно индивидуальные и коллективные идентичности, напротив, возникали ранее, до индивидуальных и коллективных воспоминаний. Новые идентичности конструировали память и забвение. И хотя спустя время коллективные воспоминания все же влияли на форму идентичности, которая их выстроила, это не отменяло принцип: идентичность предшествовала вновь формируемым памяти и забвению. Переформатирование памяти, изменение ее естественной роли на роль искусственную в фундаментальном праве человека на формирование собственной идентичности, толковании опыта и видении прошлого было одним из важнейших механизмов создания «нового советского человека».

Задолго до современных исследований памяти, имевших место во второй половине XX века (См., например: Ассман, Хлебников, 2016), в практике сталинизма сформировались следующий методологический подход: прошлое — не онтологический конструкт, а рукотворный процесс, столь же манипулятивный, как и будущее; прошлое как предмет становится памятью в общем состоянии покорности в процессе пропагандистской коммуникации; переформатированная память легко подвергается манипулятивной репрезентации в соответствии с запросами современности; новая память создается, укрепляется и существует посредством символов, образов и мифов; наряду с памятью, манипулятивно изменчиво и забвение; изменяется не только индивидуальная,

но и коллективная память; и, как итог: свобода субъектов — реальных носителей подлинной памяти относительна (если не сведена к нулю) и подвержена коррекции со стороны власти, является частью процесса властной воли — создания «нового человека».

Легкость манипуляций власти в деле переформатирования памяти определяется не только ее могуществом, которое преуменьшать не следует, но и, конечно, неразвитостью субъектов — реальных объектов манипуляции, их неспособностью к достаточной рефлексивности, к критической проработке и рационализации, низким уровнем их индивидуального самосознания и слабостью наличествующих у них (если вообще имеющих место) ценностей свободы, гражданской активности и ответственности (Гражданское общество..., 2007; Гудков, 2011; Дубин, 2011). В особенности и преимущественно этот феномен должен рассматриваться в контексте конструирования образов прошлого и его мифологизации среди крестьянства и в крестьянской культуре, которая в силу своего доминирующего в советском обществе (по крайней мере довоенного периода) положения представляла собой «квинтэссенцию коллективной памяти».

Люди, способные не позволить власти загнать свой разум в тупик или вовсе его переформатировать, редки. Художественные тексты писателей-современников событий, в которых реальность представляется хотя и в художественной форме, но достаточно адекватно, лучшие тому свидетельства: их по сравнению с насаждаемой властью парадно-лживой литературой и пропагандистским кинематографом немного. И ответить на вопрос, почему эти авторы оказались способны на подобную неравную борьбу, профессиональное и человеческое самостояние, часто напрямую угрожающее их жизни, можно только одним, мало что объясняющим определением — они не могли не сообщать правдиво о реальности, не могли не быть на стороне добра. Даже в той форме, о которой, например, заявлял Андрей Платонов:

Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения. Именно — опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать (Платонов, 2019: 199).

Его главные тексты — «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море» не печатали более шестидесяти лет.

В честной литературе мало образов, созданных не загнанным в тупик разумом, продуктов подлинного свободного сознания. Но они есть. Такова, например, крестьянка Степанида или милиционер Вася Гончарик, герои повести Василя Быкова «Знак беды» (Быков, Ёйги, 1990). Не способный разорять соседей-крестьян ради выполнения плана по раскулачиванию Вася убивает себя, а колхозница-активистка Степанида, невзирая на последствия, наотрез отказывается от участия в реквизициях и высылке односельчан. Она была также против и собирала подписи соседей за освобождение арестованного председателя, который не проявил рьяности в выполнении государственного плана по ссылке «кулаков». О невозможности сосуществования провозглашаемых идеалов революции и ложью реальной жизни редкий оттепельный фильм 1959 года «Жестокость» (режиссер В. Скуйбин, сценарист П. Нилин). Не допускающий возможности обмана и зла, прикрывающихся именем советского государства, герой ленты милиционер Венька Малышев кончает с собой. Память о такого рода случаях должна была особо тщательно уничтожаться или переформатироваться властью.

Власть также внимательно следила и запоминала все то, что обозначалось ею как «классово чуждое». В другой повести Быкова читатель встречает образ солдата Пшеничного — парня из крестьянской семьи, раскулаченной в недавнюю коллективизацию. Оставшись без родителей и мечтающая стать советским «как все», он много лет пытается создать себе новый облик, освободиться от тягостного, клеймом обозначенного в нем прошлого, хотя в нем и нет его личной вины. Он всего лишь сын «врагов» советской власти и пытается это скрыть, чтобы начать новую жизнь. Однако бдительная власть каждый раз это клеймо обнаруживает и водворяет обманщика на полагающееся ему место внизу общественной лестницы⁸ На фронте Пшеничный назначен в группу из пяти бойцов, которая должна прикрыть отход основных сил красноармейцев. Но он решает стать предателем, перейти к немцам и ждет подходящий момент. Среди врагов советской власти и, следовательно, своих возможных друзей он мечтает наконец переменить горькую судьбу, стать хозяином земли и собственной жизни (Быков, 1984). В какой

⁸При анализе советской эпохи, А. Зиновьев приводит свою интерпретацию знаменитой формулы Максима Горького «Если враг не сдается, его уничтожают». И поскольку она применима к рассматриваемой ситуации, приведу ее: «Если кто-нибудь попадется, его уничтожают» (Зиновьев, 1976).

мере за предательство ответственен сам юноша, а в какой бесчеловечная власть? Ответа у Быкова нет, но вопрос поставлен.

К чему вели размышления об общественном переустройстве философствующих писателей в течение XIX и в начале XX столетия? К несбывшимся надеждам найти способы и переформатировать сознание власти просвещением (в начале исторического отрезка), к безнадежным попыткам воззвать к ее человечности и остановить ее насилие над народом (в его конце).

На что рассчитывала власть, «созидающая», как она самонадеянно полагала, «нового советского человека»? Прежде всего на поддерживающий вековечную покорность страх и на подневольный труд — средство перевоспитания. Труд предначалось перестать быть проклятием за грех Адама и сделаться радостью и полнотой бытия.

По мере того как человек будет учиться выполнять свои обязанности перед обществом добровольно и радостно, дозы страха будут уменьшаться. Так появится в конце концов человек свободный (Милош, Британишский, 2003: 19).

Эта, произнесенная в середине XX столетия в Европе мысль в точности повторяла другую, сформулированную в начале века «отцом» трудовых армий Л. Д. Троцким.

Еще одну — на этот раз гуманную попытку «создать нового человека» в рамках «социализма с человеческим лицом» в конце века накануне краха СССР предпринял последний лидер партии коммунистов М. С. Горбачев. И тоже безрезультатно.

Таким образом, с течением времени, от конца XVIII и до конца XX столетия цели и средства в задаче переустройства общества и пересоздания человека не менялись. Но сама задача как не была решена в начале, так и осталась не решенной в конце.

ЛИТЕРАТУРА

- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. — М. : Новое литературное обозрение, 2016.
- Богданов А. Красная звезда : роман. — М., СПб. : ГЕРРА — Книжный клуб; Северо-Запад, 2009.
- Быков В. Журавлиный крик : повести : пер. с белорус. — Минск : Юнацтва, 1984.
- Быков В. Знак беды / пер. с белорус. О. Ёйги. — Таллинн : Ээсти раамат, 1990.

- Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. — СПб. : В типографии департамента внешней торговли, 1847.
- Горький М.* Трое // Мать. Из воспоминаний. Трое. — М. : АСТ, Астрель, 2008. — С. 403—687.
- Гражданское общество : настоящее и будущее; 1937—2007: память и ответственность. Т. 5 / под ред. О. М. Здравомысловой. — М. : Горбачев-Фонд, 2007.
- Гудков Л. Д.* Абортивная модернизация. — М. : РОССПЭН, 2011.
- Давыдов М. А.* Цена утопии. История российской модернизации. — М. : НЛЮ, 2022.
- Дубин Б. В.* Россия нулевых : повседневная культура, историческая память, повседневная жизнь. — М. : РОССПЭН, 2011.
- Зиновьев А. А.* Зияющие высоты. — Лозанна : L'Age d'homme, 1976.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 4. 1898 – апрель 1901. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями : пер. с нем. — М. : Издательство политической литературы, 1951.
- Милош Ч.* Порабощенный разум / пер. с пол. В. Британишского. — М. : Алетейя, 2003.
- Неретина С. С., Никольский С. А., Порус В. Н.* Философская антропология Андрея Платонова. — М. : Институт философии РАН, 2019.
- Никольский С. А.* Российская философия истории и литература // Вопросы философии. — 2018. — № 10. — С. 116—127.
- Никольский С. А.* Темпоральные экзистенциальные смыслы героев Достоевского и их большевистская реинкарнация // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 32—55.
- Островский Н.* Как закалялась сталь. — Пермь : Пермское книжное издательство, 1982.
- Платонов А. П.* Чевенгур // Чевенгур: роман; Котлован: повесть / под ред. Н. М. Мальгиной. — М. : Время, 2011. — С. 9—410.
- Платонов А. П.* «...Я прожил жизнь». Письма (1920–1950 гг.) — М. : Астрель, 2019.
- Селезнев В. М.* История создания и публикаций «Картин прошедшего» // Картины прошедшего / А. В. Сухово-Кобылин. — Л. : Наука, 1989. — С. 284—328.
- Фонвизин Д. И.* Недоросль // Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2 / под ред. Г. П. Макогоненко. — М., Л. : Гос. изд. худ. лит., 1959. — С. 105—177.
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / пер. с фр. М. Габовича // Память о войне 60 лет спустя : Россия, Германия, Европа / под ред. М. Габовича. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 16—50.
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Зенкина. — М. : Новое издательство, 2007.

Nikol'skiy, S. A. 2023. "Pereustroystvo obshchestva, peresozdaniye cheloveka [The Reorganization of Society, the Re-Creation of Human]: krakh illyuziy [The Collapse of Illusions]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (2), 203–222.

SERGEY NIKOL'SKIY

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

CHIEF RESEARCH FELLOW, PHILOSOPHY OF CULTURE SECTOR

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-2202-2043

THE REORGANIZATION OF SOCIETY, THE RE-CREATION OF HUMAN

THE COLLAPSE OF ILLUSIONS

Submitted: Dec. 29, 2022. Reviewed: Mar. 21, 2023. Accepted: Apr. 05, 2023.

Abstract: Two social goals are analyzed that emerged one by one and later existed simultaneously: the reorganization of society and the re-creation of man. The idea of social reorganization appeared in Russian philosophical literature for the first time at the end of the 18th century. Till the 20s of the 20th century, it was presented in the works of almost all Russian authors of the "first row," namely: D. I. Fonvizin, A. S. Griboedov, A. S. Pushkin, N. V. Gogol, I. S. Turgenev, I. A. Goncharov, N. G. Chernyshevsky, N. S. Leskov, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin, A. V. Sukhovo-Kobylin, A. M. Gorky, A. A. Bogdanov, A. P. Platonov. After October, the communist government no longer needed social reorganization, and therefore, with the help of the "engineers of human souls" detachment, it set the goal of "forming a new Soviet man." The primary means to achieve it were fear, age-old obedience, and forced labor as the most critical education instrument. The labor was destined to stop Adam's sin and damnation and to become a joy and fullness of being. The ideologist of labor service was L. D. Trotsky, one of the leaders of October. Furthermore, 70 years later, the final attempt to "create a new man" as a part of the "socialism with a human face" was made by the last leader of the Communist Party, M. S. Gorbachev, just before the USSR collapsed. And also without result. Over time, from the end of the 18th century to the end of the 20th century, the goals and means of solving the problem of social reorganization and creating a new man did not change. However, the problem was not solved initially and remained unsolved in the end.

Keywords: Human, Society, Culture, History, Philosophy, Literature, Reorganization, Transformation, New.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-203-222.

REFERENCES

- Assmann, A. 2016. *Novoye nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy [Das Neue Unbehagen an der Erinnerungskultur]* [in Russian]. Trans. from the German by B. Khlebnikov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Bogdanov, A. 2009. *Krasnaya zvezda [Red Star]: roman [Novel]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: TERRA — Knizhnyy klub; Severo-Zapad.
- Bykov, V. 1984. *Zhuravlinyy krik [Crane Cry]: povesti [Stories]* [in Russian]. Minsk: Yunatstva.
- . 1990. *Znak bedy [A Sign of Trouble]* [in Russian]. Trans. from the Belarusian by O. Y-ygi. Tallinn: Eesti raamat.
- Davydov, M. A. 2022. *Tsena utopii. Istoriya rossiyskoy modernizatsii [The Price of Utopia. History of Russian Modernization]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: NLO.

- Dubin, B. V. 2011. *Rossiya nulevykh [Russia of the Noughties]: povednevnyaya kul'tura, istoricheskaya pamyat', povednevnyaya zhizn'* [Everyday Culture, Historical Memory, Everyday Life] [in Russian]. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- Fonvizin, D. I. 1959. "Nedorosl' [The Minor]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by G. P. Makogonenko, 105–177. 2 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Gos. izd. khud. lit.
- Gogol', N. V. 1847. *Vybrannyye mesta iz perepiski s druz'yami [Selected Places from Correspondence with Friends]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: V tipografii departamenta vneshney trgovli.
- Gor'kiy, M. 2008. "Troye [Three]" [in Russian]. In *Mat'. Iz vospominaniy. Troye [Mother. From Memories. Three]*, 403–687. Moskva [Moscow]: AST / Astrel'.
- Gudkov, L. D. 2011. *Abortivnaya modernizatsiya [Abortive Modernization]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- Halbwachs, M. 2005. "Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [La mémoire collective]" [in Russian]. In *Pamyat' o voynе 60 let spustya [Memory of the War 60 Years Later]: Rossiya, Germaniya, Yevropa [Russia, Germany, Europe]*, ed. and trans. from the French by M. Gabovich, 16–50. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- . 2007. *Sotsial'nyye ramki pamyati [Les Cadres sociaux de la mémoire]* [in Russian]. Trans. from the French by S. Zenkin. Moskva [Moscow]: Novoye izdatel'stvo.
- Lenin, V. I. 1967. *1898 – april' 1901 [1898 – April 1901]* [in Russian]. Vol. 4 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Collection of Works]*. 55 vols. Moskva [Moscow]: Izd-vo polit. lit-ry.
- Milosh, Ch. 2003. *Poraboshchenny razum [Znielowony umyst]* [in Russian]. Trans. from the Polish by V. Britanishskiy. Moskva [Moscow]: Aleteyya.
- Neretina, S. S., S. A. Nikol'skiy, and V. N. Porus. 2019. *Filosofskaya antropologiya Andreyana Platonova [Andrey Platonov's Philosophical Anthropology]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii RAN.
- Nicol'skiy, S. A. 2018. "Rossiyskaya filosofiya istorii i literatura [Russian Philosophy of History and Literature]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, no. 10, 116–127.
- . 2021. "Temporal'nyye ekzistentsial'nyye smysly geroyev Dostoyevskogo i ikh bol'shevist-skaya reinkarnatsiya [Temporal Existential Meanings of Dostoevsky's Heroes and Their Reincarnation by the Bolsheviks]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (3): 32–55.
- Ostrovskiy, N. 1982. *Kak zakalyalas' stal' [How the Steel Was Tempered]* [in Russian]. Perm': Permskoye knizhnoye izdatel'stvo.
- Platonov, A. P. 2011. "Chevengur" [in Russian]. In *Chevengur: roman; Kotlovan: povest' [Chevengur: Novel; Pit: Novella]*, ed. by N. M. Malygina, 9–410. Moskva [Moscow]: Vremya.
- . 2019. "...Ya prozhil zhizn'". *Pis'ma (1920–1950 gg.) ["...I Have Lived My Life." Letters (1920–1950)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Astrel'.
- Seleznev, V. M. 1989. "Istoriya sozdaniya i publikatsiy 'Kartin proshedshego' [The History of the Creation and Publication of 'Paintings of the Past']" [in Russian]. In *Kartiny proshedshego [Paintings of the Past]*, by A. V. Sukhovo-Kobylin, 284–328. Leningrad: Nauka.
- Zdravomyslova, O. M., ed. 2007. *Grazhdanskoye obshchestvo [Civil Society]: nastoyashcheye i budushcheye; 1937–2007: pamyat' i otvet-stvennost' [Present & Future; 1937–2007: Memory & Responsibility]* [in Russian]. Vol. 5. Moskva [Moscow]: Gorbachev-Fond.
- Zinov'yev, A. A. 1976. *Ziyayushchiye vysoty [Gaping Heights]* [in Russian]. Lozanna: L'Age d'homme.